

ГАДЖИЕВ Камалудин Серажуудинович — д.и.н., профессор, главный научный сотрудник Института мировой экономики и международных отношений РАН (117997, Россия, г. Москва, ул. Профсоюзная, 23; gajievks@mail.ru)

МЕТАМОРФОЗЫ ГЛОБАЛИЗАЦИИ: ГЕОПОЛИТИЧЕСКОЕ ИЗМЕРЕНИЕ

Аннотация. Данная статья имеет своей целью анализ некоторых наиболее заметных тенденций и процессов, которые в последние годы, особенно в условиях мирового финансово-экономического кризиса, обусловили своеобразную инверсию предназначения и функций глобализации. Показано, что глобализация, начатая индустриально развитыми странами Запада в собственных интересах, постепенно создала условия для экономического и технологического прорыва так называемых развивающихся стран (Китай, Индия, Россия, Бразилия, Южно-Африканская Республика, объединившиеся в организацию БРИКС). Ключевые позиции в мировой экономике занял Китай, который уже стал второй державой в экономике современного мира и в скором времени займет первое место.

Ключевые слова: глобализация, экономика, развитие, кризис, инверсия, капитализм, рынок, Запад, Китай, Вашингтонский консенсус, Пекинский консенсус

Глобализация стала качественно новым этапом экспансии Запада, которая, однако, разворачивалась в новых условиях объединения ойкумены в единое целое. В такие периоды подвергаются эрозии или вовсе исчезают некоторые из основополагающих ценностей, институтов, отношений и т.д., которые в совокупности составляли инфраструктуру господствующей системы и обеспечивали ее единство, жизнеспособность, формы и направления функционирования. Формируются новые элементы и структуры, более соответствующие новым реальностям. Это, как сказал бы Й. Шумпетер, «созидательное разрушение», под которым подразумевается избавление от старого для расчистки места для формирования нового.

Мировой финансово-экономический кризис 2008–2009 гг., который воочию продемонстрировал, что глобализация, начавшаяся как западный проект, как вестернизация остального мира, постепенно изменяет свой вектор. Вряд ли будет преувеличением утверждать, что под сомнение ставится сам западный проект глобализации, в мире имеет место тенденция если не к росту антизападничества, то к заметному разочарованию в западной модели жизнеустройства, в т.ч. западной, прежде всего англо-саксонской модели рыночной экономики.

Предполагалось, что глобализация приведет к единению современного мира на принципах либерализма, свободной торговли, Вашингтонского консенсуса. Другой ее стороной оказались фрагментация, возрождение традиционных и появление новых фобий в форме фундаментализма, трайбализма, этнизма, радикального национализма, правого и левого радикализма. Информационные технологии способствуют, с одной стороны, интенсификации межкультурных взаимодействий, с другой — дальнейшей диверсификации культур, что противоречит доводам относительно поглощения разнообразных культур некоей универсальной «глобальной культурой». Не случайно ныне много говорят о «возврате в Азию» Японии, «реиндуизации» Индии, «реисламизации» Ближнего Востока и даже о «девестернизации» всего Востока, понимаемого в самом широком смысле слова.

Возможно, прав З. Бауман, который считает, что «глобализация приводит к перераспределению привилегий и дискриминации, богатства и бедности, силы и бессилия, свободы и зависимости. Для одних она предоставляет свободу выбора, а для других выглядит неизбежным ударом судьбы» [Bauman 1997: 62]. И действительно, одним из судьбоносных для всего мирового сообщества результатов названных тенденций стало ускорение процесса перераспределения мирового валового продукта и диффузии экономической мощи и богатства. В результате незападные народы превратились в новых активных субъектов мировой экономики и политики.

Хотя западные культурные стереотипы продолжают свою экспансию на всем пространстве ойкумены, Западу становится все труднее убедить остальные народы

в превосходстве своих духовных и морально-этических ценностей и принципов. Здесь азиатская идея играет не последнюю роль. Социальный и экономико-технологический прорыв в Восточной Азии сопровождается подлинной социокультурной и социально-психологической революцией, в ходе которой народы региона в значительной мере преодолели комплекс неполноценности в отношении Запада, что нашло свое социально-философское и идеолого-политическое выражение в новой азиатской идее.

В этом контексте ключевое значение имеет тот факт, что Восточная Азия уже стала или, во всяком случае, становится равновеликой Западу несущей конструкцией мирового сообщества, и эта его роль в обозримой перспективе будет неуклонно возрастать. Одним из зримых показателей и результатов этого феномена является то, что глобализация постепенно начала претерпевать своего рода инверсию, поскольку во все возрастающей степени стала отвечать интересам бурно поднимающегося Востока, понимаемого в самом широком смысле слова. Если раньше Запад только наступал, то в нынешних условиях он постепенно вынужден занимать оборонительные позиции.

Именно глобализация и информационная революция создали условия для стремительного восхождения сначала так называемых новых индустриальных стран, а за ними — развивающихся стран, таких как Китай, а также Индия, Бразилия, Россия и Южно-Африканская Республика. Будучи первоначально детищем Запада, постепенно глобализация стала тем трамплином, с помощью которого эти страны смогли не просто бросить вызов развитому миру, но и претендовать на завоевание первых ролей в мировой экономике. К настоящему времени Китай уже стал второй экономикой современного мира. По прогнозам исследователей, ему понадобятся не годы, а лишь месяцы, чтобы занять первое место в этой иерархии, сдвинув с него США. Более того, вполне возможна ситуация, когда именно страны, ныне рассматриваемые как периферийные (прежде всего Россия, Китай, Индия и Иран), приобретут статус центра, и наоборот, некоторые страны, составляющие ныне центр, перейдут к статусу периферийных.

Нельзя отрицать тот факт, что возвышение Китая произошло вопреки желанию Запада. Тем не менее было бы не совсем корректным отрицать хотя бы косвенную роль Запада в этом процессе. Речь идет, прежде всего, о западных технологиях и опыте модернизации экономики, а также о том, что без емких западных рынков успехи китайской экономики, ориентированной на экспорт, были бы не столь впечатляющими.

Дж. Бернстайн, проанализировавший ситуацию, сложившуюся с началом мирового экономического кризиса 2008–2009 гг., пришел к выводу, что «весь самообман по поводу “нового миропорядка” оказался на самом деле фаустовской сделкой между Востоком и Западом. Она [эта сделка] позволила восточным экономикам выбраться из третьего мира на спине западных потребителей и развитии инфраструктуры, и позволила западным потребителям поддерживать нереальные размеры зарплат и уровень жизни — от Уолл-стрит и Детройта до Штутгарта. Она привела также к неслыханному — со времен Первой мировой войны — сосредоточению богатства среди промышленных и финансовых титанов по всему миру». На основе данных *Washington Post.com* Бернстайн утверждал, что значительная доля роста корпоративных прибылей Европы и Америки за последнее десятилетие базировалась на накоплении дешевых товаров из Китая, которые продавались с наценкой в развитом мире. Этому, в частности, способствовало то, что большая часть китайского экспорта производится не китайскими, а европейскими и другими компаниями. Общая доля экспорта иностранных компаний выросла с 2% в 1985 г. до 60% общего китайского экспорта в 2006 г. Западные компании часто в состоянии продавать потребительские товары в Европе и США со значительно большей прибылью, а западные потребители проедают при этом разницу [Bernstein 2008]. Китай и другие растущие экономики заинтересованы в сохранении экспортных рынков и тем самым помогают индустриально развитым странам пережить кризис. Иначе говоря, они просто вынуждены выручать Запад, оказавшийся в тяжелом положении, путем субсидирования его экономики и потребителей.

Гипотетически можно предположить, что перспективы окончательного преодоления кризиса во многом зависят от наличия в глобальной экономике новых акторов, прежде всего Китая, которые оказывают все возрастающее влияние на ее функционирование. Более того, демонстрируя беспрецедентные темпы роста экономики в условиях кризиса, который нанес сильнейший удар по развитому миру, Китай становится своего рода локомотивом, способствующим оживлению мировой экономики. Он наглядно продемонстрировал, что мировой кризис — это время масштабных потерь и одновременно — огромных возможностей. И действительно, в условиях кризиса отдельные государства, проводящие четкую и взвешенную экономическую политику, получили возможность реализовать самые амбициозные планы, заметно потеснив традиционных «правителей» финансового мира. И главным претендентом на установление нового мирового порядка, безусловно, является Китайская Народная Республика, которая без особого шума продолжает ускоренными темпами преодолевать путь наверх — к статусу экономической и военно-политической сверхдержавы.

Как известно, рынок является историческим феноменом, возникшим на определенном этапе развития западного человечества, ценности, принципы и установки которого в наши дни распространяются по всему миру. Как и всякий общественный институт, он имеет пределы своего восхождения и применимости, скорости и степени развития. Зародившаяся в XVIII в. вера в свободный рынок и в капитализм была хороша при, казалось бы, неограниченных ресурсах и неограниченных возможностях экспансии Запада на новые территории и регионы. «Невидимая рука», саморегулирование рынка, свободная конкуренция, самоорганизация экономической системы и др., возможно, эффективно действуют в пределах отдельно взятой страны, отдельного региона, еще не в полной мере интегрированных в мировую экономику, или же применительно к отдельной группе товаров.

В наши дни сложилась совершенно иная ситуация. На макроуровне в глобальном масштабе кардинально изменяются базовые правила игры субъектов экономической деятельности, участников мирового рынка. Здесь в игру, наряду с традиционными субъектами экономических отношений в лице индивидуальных предпринимателей, национальных, многонациональных и транснациональных корпораций, вступают новые субъекты — национальные экономики, за которыми стоят национальные государства, главное призвание которых состоит в защите национальных интересов и национально-государственного суверенитета.

В контексте изложенного можно со значительной долей уверенности утверждать, что кризис поставил такую же окончательную точку на символе глобализации — так называемом Вашингтонском консенсусе, а возможно, и на англо-саксонской модели рыночной экономики в целом. Ведь не случайно Вашингтонский консенсус был сформулирован на фоне эйфории относительно так называемого конца истории в результате якобы полной и окончательной победы западной либеральной модели общественно-политического устройства современного мира. На постулатах и принципах Вашингтонского консенсуса обосновывался тезис о наступлении эры глобализации, которая-де призвана стать триумфом свободного рынка, резкого сокращения вмешательства государства в экономику и, самое главное, демонтажа всех созданных государством препятствий на пути перемещения товаров, капиталов и людей по всему миру. «Доктрина, известная под названием “Вашингтонский консенсус”, — подчеркивал Дж.К. Гэлбрейт, — была по своему характеру неким символом веры глобализации. В ней отразились уверенность в том, что рынки действуют эффективно, что отсутствует потребность в их управлении со стороны государства, что между бедными и богатыми не существует конфликтных интересов, что дела идут наилучшим образом, если в них не вмешиваться»¹.

В условиях мирового финансово-экономического кризиса гигантские, казалось бы, непотопляемые корпорации, такие как *Lehman Brothers*, *Citibank*, *General Motors* и др., оказавшись на грани банкротства, обратились к властям с просьбой о река-

¹ Причины мирового кризиса. — *Империя: информационно-аналитический портал*: Доступ: <http://www.imperiya.by/authorsanalytics19-6689.html>

питализации, обернувшейся фактической национализацией. Этот факт сам по себе показал несостоятельность мифов об универсальности и незаменимости буквалистски понимаемых «невидимой руки» и «саморегулирующегося рынка», исповедуемых монетаристами или приверженцами Вашингтонского консенсуса.

Об обоснованности данного тезиса свидетельствует тот факт, что этот все еще не преодоленный кризис фактически снимает пелену необъяснимости, если хотите, парадоксальности с удивительного феномена китайского экономического чуда. В то время как в период глубоких пертурбаций национальные экономики, исповедующие мифологию «невидимой руки» и Вашингтонского консенсуса, переживают серьезные катаклизмы, китайская экономика, действующая на принципах регулирования рыночных правил игры государством, продолжает неуклонный экономический рост. В этой связи интерес представляет тот факт, что, по имеющимся данным, в настоящее время в Китае государственные предприятия и их дочерние компании обеспечивают более половины производства и более половины рабочих мест. В 2012 г. в рейтинге 500 крупнейших мировых компаний *Fortune Global 500* значились 70 китайских корпораций, и 65 из них были государственными [Bremmer 2013].

В рассматриваемом контексте нельзя не упомянуть тот факт, что восхождение большинства, если не всех, новых индустриальных стран было достигнуто при авторитарных режимах, которые активно поддерживали национальную экономику. В Китае процесс трансформации возглавляет государственный, а не частный сектор. Львиную долю китайской банковской системы составляют государственные банки, и капитал в китайской экономике движется не столько слепой «рукой свободного рынка», сколько распоряжениями КПК, что в сложившейся глобальной ситуации оказалось намного эффективнее. Интерес представляет признание руководителями ряда ведущих держав на саммитах G20 факта провала Вашингтонского консенсуса и основанной на его принципах финансовой системы. 2 апреля 2009 г. на закрытии саммита руководителей 20 крупнейших экономик мира G20 в Лондоне премьер-министр Великобритании Г. Браун заявил на итоговой пресс-конференции: «“Вашингтонский консенсус” исчерпал себя!» Тогдашний президент Франции Н. Саркози говорил о необходимости «создавать капитализм с основ», о пересмотре действующей модели экономической системы и постепенном переходе к «регулируемому капитализму». Эту мысль Саркози предельно ясно выразил в своем выступлении на Давосском форуме 27 января 2010 г.: «Без вмешательства государства все бы просто рухнуло»¹. Такое заявление многого стоит, поскольку идет от решительных сторонников рыночных реформ на основе Вашингтонского консенсуса.

Успехи Китая в экономической, геополитической и военно-политической сферах со всей очевидностью ставят вопросы социально-философского, морально-этического и институционального измерения экономического развития. Еще за два года до кризиса газета «Коммерсантъ» писала: «Увлечение “курсом на Азию” и “китайской моделью” стало международной интеллектуальной модой»². Примерно в таком же духе рассуждал американский автор А. Калецки, которому один крупный дипломат США сетовал: «Куда бы я ни отправился, и государства, и крупный бизнес только и говорят, что о новом пекинском консенсусе, о китайском пути к власти и богатству» [Kaletsky 2010].

При трансформациях подобного масштаба неизбежно возникают споры и дискуссии о природе и контурах миропорядка. Как известно, в 90-х гг. минувшего и в самом начале первого десятилетия нынешнего века были популярны идеи пришествия нового биполярного миропорядка в случае окончания якобы господствовавшего в тот период однополярного мира. В качестве партнера США предлагали то Евросоюз, то Японию, говорили также о возможности наступления то ли *Pax Nirroinca*, то ли *Pax Europeana*, то ли *Pax Sinica*.

Еще Н. Бердяев в сборнике своих работ «Судьба России» писал сразу после боль-

¹ *Известия*. 2010. 28 янв.

² *Коммерсантъ*. 2006. 1 сент.

шевистской революции 1917 г.: «После ослабления и разложения Европы и России воцарится китаизм и американизм, две силы, которые могут найти точки сближения между собой. Тогда осуществится китайско-американское царство равенства, в котором невозможны уже будут никакие восхождения и подъемы» [Бердяев 1990: 5]. Как бы следуя за Бердяевым, часть пишущей братии, в т.ч. серьезные аналитики, одержимы идеей *Pax Chimericana* (сочетание *China* и *America*), или Химерики, т.е. биполярного миропорядка – «Китаеамерики».

В 2005 г. директор Института международной экономики им. Питерсона Ф. Бергстен предложил формулу «большой двойки»: G2 – США плюс КНР. В период мирового экономического кризиса эта идея получила дальнейшее развитие. Значимость этому факту придавало то, что к ее раскрутке подключились известные и влиятельные политические и государственные деятели Запада.

Так, накануне инаугурации президента США Б. Обамы в газете *The Independent* появилась статья Г. Киссинджера, в которой обосновывалась мысль, согласно которой один из путей недопущения хаоса мирового масштаба заключается в том, чтобы «ядро» будущего миропорядка составили США и КНР¹. Аналогичную идею, хотя и в несколько иной форме, выдвинул З. Бжезинский, по мнению которого Вашингтон и Пекин могли бы совместно участвовать в урегулировании ближневосточного кризиса, иранской и северокорейской ядерных проблем, в примирении Индии и Пакистана, «сдерживать экспансионистские устремления России» в Европе и на постсоветском пространстве и т.д.² Следуя подобным установкам, в ноябре 2009 г. во время визита в Пекин Б. Обама сделал китайскому руководству предложение о создании G2, т.е. тандема США – Китай.

Однако сами руководители Китая восприняли подобные идеи отнюдь не с энтузиазмом. Как заявил на саммите Евросоюза и Китая, состоявшемся в мае 2009 г. в Праге, тогдашний премьер-министр этой страны Вэнь Цзябао, «говорить о доминировании двух стран в международных делах абсолютно необоснованно и ошибочно»³. Тем самым китайское руководство ясно показало свое отношение к идеям создания Химерики.

Дело в том, что у Китая, во всяком случае в обозримой перспективе, будет множество собственных весьма серьезных внутренних проблем с его огромным населением и пробелами в развитии и благосостоянии. К тому же идея Химерики противоречит внешнеполитической стратегии Пекина, ориентированной на полицентрический миропорядок и стремление проводить независимую политику, предполагающую многовекторную ориентацию, не вступая в альянс с какими-либо странами.

Как говорил древнекитайский военный стратег Сунь Цзы, высшее совершенство состоит не в том, чтобы сражаться и побеждать в каждой битве, а в том, чтобы сломить сопротивление врага без сражения [Сунь Цзы 2002]. И действительно, в отличие от США, которые пытаются добиться своих целей силой оружия, разного рода предварительными условиями, санкциями и т.д., Китай завоевывает влияние в мире иными средствами, такими как защита национального суверенитета, собственная модель экономического развития, учитывающая национальные ценности, отказ от предварительных условий и санкций и др. Естественно, такой подход может оказаться более привлекательным для многих народов и стран с органической социокультурной и политико-культурной национальной традицией, нежели подходы тех государств, которые предлагают, а зачастую просто навязывают им свои ценности, принципы, условия и т.д.

Статья подготовлена при финансовой поддержке РГНФ, проект № 12-03-00611 «Метаморфозы геополитики в условиях новой фазы глобализации»

¹ Независимое аналитическое обозрение. Доступ: <http://www.polit.nnov.ru/2009/01/26/usachina2wchi/>

² *Financial Times*. 2009. January 13.

³ Jian Junbo. 2009. China Says «no thanks» to G2. – *Asia times*. May 29.

Список литературы

- Бердяев Н. 1990. *Судьбы России*. М.: Советский писатель. 346 с.
- Сунь-Цзы. 2002. *Искусство войны*. М.: Феникс. 288 с.
- Bauman Z. 1997. Globalizacja czyli komu globalizacja, a komu lokalizacja. — *Studia socjologiczne*. Warszawa. № 3. S. 53-69.
- Bernstein J. 2008. Why the East and West Should Switch Roles. — *Seeking Alpha*. November 16.
- Bremmer I. 2013. China: Superpower or Superbust? — *The National Interest*. Доступ: <http://www.inosmi.ru/world/20131023/214142247.html#ixzz2iYu4hBnP> (проверено 27.10.2014).
- Kaletsky A. 2010. We Need a New Capitalism to take on China. — *The Times*. February 4.

GADZIEV Kamaludin Seradzudinovich, Dr.Sci.(Hist.), Professor, Senior Researcher, Institute of World Economy and International Relations, Russian Academy of Sciences (Profsojuznaja str., 23, Moscow, Russia, 117997; gajievks@mail.ru)

METAMORPHOSES OF GLOBALIZATION: A GEOPOLITICAL DIMENSION

Abstract. This article is devoted to the analysis of the most notable trends and processes, which during the recent years led to a kind of inversion of the purpose and functions of globalization. The special attention is paid to this theme in the context of the global financial and economic crisis. The author demonstrates that globalization started by industrialized countries of the West in their own interests, gradually created the conditions for the economic and technological breakthrough of the so-called developing countries (China, India, Russia, Brazil, and South Africa, united in the organization of the BRICS). And China has taken a key position in the world economy and became the second economic power in the modern world.

Keywords: globalization, economy, development, crisis, inversion, capitalism, market, West, China, Washington Consensus, Beijing Consensus

БРЕГА Александр Васильевич — д.полит.н., доцент; профессор кафедры общей политологии Финансового университета при Правительстве РФ, ведущий научный сотрудник Института социологии РАН (125993, г. Москва, Ленинградский пр-кт, 49; avbrega@mail.ru)

КОПЫЛОВ Игорь Александрович — к.полит.н., доцент кафедры политологии Военного университета МО РФ (123001, г. Москва, ул. Большая Садовая, 14; dxharald@mail.ru)

ТРАНСНАЦИОНАЛИЗАЦИЯ ПОЛИТИЧЕСКОЙ ЭЛИТЫ И ВЛИЯНИЕ ЭТОГО ПРОЦЕССА НА СУВЕРЕНИТЕТ ГОСУДАРСТВА

Аннотация. Целью статьи является анализ современной ситуации транснационализации политических элит разных стран и влияние данного процесса на снижение национального суверенитета. Авторы рассматривают исторические аспекты глобализации политических элит, дают характеристику нынешних тенденций транснационализации политических элит.

В статье делается вывод, что сегодня механизмы, обеспечивающие государственный суверенитет, пока еще препятствуют формированию такого субъекта, как глобальная элита, и сдерживают наращивание организационного контура десуверенизации суверенных государств. Однако разобщенность в мировом сообществе остается благодатной почвой для потери суверенитета и формирования глобальной политической элиты. В этой связи человечество имеет все шансы изменить вектор своего исторического развития, если разобщенное большинство сможет занять место сплоченного меньшинства.

Ключевые слова: транснационализация политических элит, национальный суверенитет, глобальная мировая элита